

ТАНЯ САВИЧЕВА

Ленинградская школьница

Дата рождения:

23 января 23 января 1930 года

Место рождения:

Село Дворищи, Псковская область

Дата смерти: 1 июля Дата

смерти: 1 июля 1944 года

Место смерти:

Шатки Шатки, Горьковская область Отец:

Николай Родионович

Таня в 6 лет, 1936 г. Савичев

Мать:

Таня Савичева, как и её братья и сёстры, выросла в Ленинграде. Она была пятым и самым младшим ребёнком. У Тани было две сестры и два брата: Женя, Леонид «Лёка», Нина и Миша. Появление в их семье пятого ребёнка Нина Савичева спустя много лет вспоминала так:

«Танюша была младшей. Вечерами мы собирались за большим обеденным столом. Мама ставила в центр корзинку, в которой спала Таня, а мы смотрели, боясь лишний раз вздохнуть и разбудить малышку.»

В памяти Нины и Миши Таня осталась как очень застенчивая и не по-детски серьёзная:

«Таня была золотая девочка. Любознательная, с легким, ровным характером. Очень хорошо умела слушать. Мы ей все рассказывали —

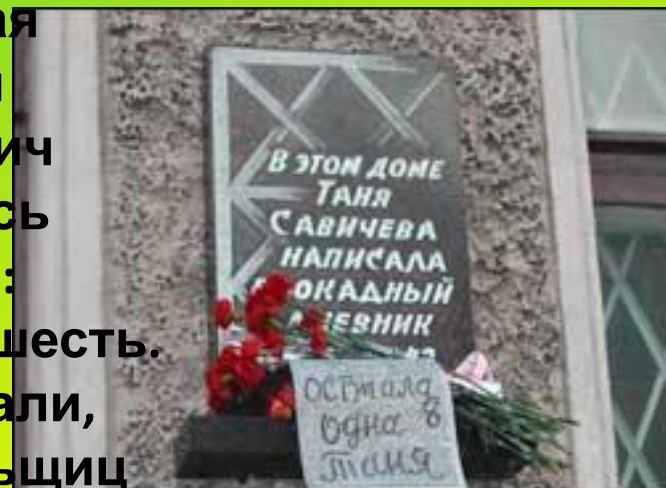
о работе, о спорте, о друзьях. От матери ей достался довольно хороший «ангельский» голос, что пророчило ей в будущем неплохую певческую карьеру. Особенно хорошие отношения у неё были с её дядей Василием и, поскольку у него с братом в квартире была небольшая библиотека, все вопросы о жизни Таня задавала именно ему.»

В этом доме жила семья Савичевых

К началу войны Савичевы жили в доме № 13/6 на 2-й линии Васильевского острова. Таня вместе с мамой, Ниной, Леонидом, Мишей и бабушкой Евдокией Григорьевной Фёдоровой жила на первом этаже в квартире № 1. В конце мая 1941 года Таня Савичева закончила третий класс школы № 35 на Съездовской линии (ныне Кадетский переулок) Васильевского острова и должна была в сентябре пойти в четвёртый. 16 сентября в квартире Савичевых, как и во многих других, был отключён телефон. 3 ноября в Ленинграде с большим опозданием начался новый учебный год. Всего открылось 103 школы в которых обучалось 30 тысяч школьников. Таня ходила в свою школу № 35 до тех пор, пока с наступлением зимы занятия в ленинградских школах постепенно не прекратились.

До войны семья Савичевых была большая и дружная. Обыкновенная ленинградская семья. Глава семьи — Николай Родионович — работал пекарем, но рано умер. Осталось на руках Марии Игнатьевны пятеро детей: самой младшей, Тане, едва исполнилось шесть. Мария Игнатьевна была, как тогда называли, белошвейкой, одной из лучших вышивальщиц в ателье мод. Она всегда была чем-то занята и всегда при этом пела. Звонкий голос матери неизменно выделялся и в семейном хоре. Савичевы любили петь и танцевать. В семье был даже свой маленький оркестр. Лека и Миша — братья Тани — играли на гитаре, мандолине, банджо. Двери этого дома всегда были открыты для друзей. Когда садились за стол, даже ставили несколько лишних тарелок: вдруг кто-нибудь заглянет. А еще очень любили гулять по городу. Жили Савичевы недалеко от Академии художеств. Рядом — Стрелка Васильевского острова, Адмиралтейство, Петропавловская крепость. Они купались в Неве у сфинксов, все вместе любили в выходной на маленьком пароходе отправиться в Петродворец.

Лето 1941-го года Савичевы собирались провести в деревне у Чудского озера. Утро 22-го июня изменило планы. Сплоченная семья Савичевых решила остаться в Ленинграде, держаться вместе, помогать фронту. Мать шила обмундирование для бойцов. Лека из-за плохого зрения в армию не попал и работал строгальщиком на Адмиралтейском заводе, сестра Женя точила корпуса для мин, Нина была мобилизована на оборонные работы. Василий и Алексей Савичевы, два дяди Тани, несли службу в ПВО. Таня тоже не сидела сложа руки. Вместе с другими ребятами она на взрослым тушить «зажигал

**Однажды не вернулась с работы
Нина. В этот день был сильный
обстрел, дома беспокоились
и ждали. Но когда прошли все
сроки, мать отдала Тане, в память
о сестре, ее маленькую записную
книжку, в которой девочка и стала
делать свои записи. У Тани был
когда-то настоящий дневник.**

**Толстая общая тетрадь в клеенчатой обложке, куда она
записывала самое важное, что происходило в ее жизни.
Она сожгла дневник, когда нечем стало топить печку.
Сжечь блокнотик, видимо, не смогла — ведь это была
память о сестре! Детская рука, теряющая силы от
голода, записывала неровно, скупно — каждый
трагический «визит смерти» в родной дом.**

Даже сами Нина и Миша долгое время считали, что записи Таня делала синим химическим карандашом, которым Нина подводила глаза. И только в 2009 году эксперты «Государственного Музея истории Санкт-Петербурга», готовя дневник к закрытой экспозиции, с точностью установили, что записи Таня делала не химическим карандашом, а обычным цветным.

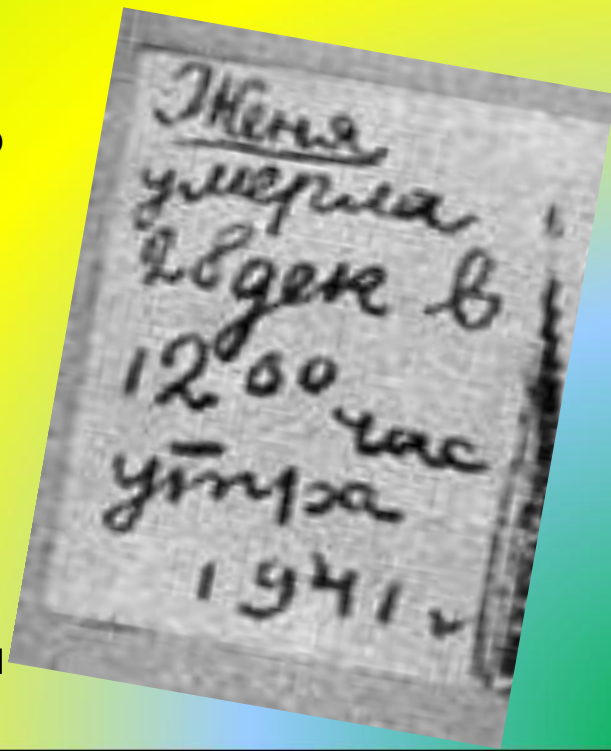
«Как сейчас помню тот Новый год. Никто из нас не дождался полуночи, спать легли голодными, радовались уже тому, что дома тепло. Сосед топил печку книжками из своей библиотеки. Тане он подарил тогда огромный том "Мифов Древней Греции". Как раз тогда втайне от всех сестра взяла мою

Первой не стало Жени. К декабрю 1941 в Ленинграде полностью прекратил работать транспорт, улицы были полностью заметены снегом. Чтобы попасть на завод Жене приходилось идти от дома пешком почти семь километров. Иногда она оставалась ночевать на заводе, чтобы сохранить силы и отработать две смены, но здоровья у неё уже не хватало. В конце декабря Женя не пришла на завод. Обеспокоенная её отсутствием Нина утром в воскресенье 28 декабря отпросилась с ночной смены и поспешила к сестре на Моховую. Она успела прийти как раз вовремя, чтобы Женя умерла у неё на руках. Ей было 32 года.

На букве «Ж» Таня пишет:

Женя умерла 28 дек в 12.30 час утра 1941 г.

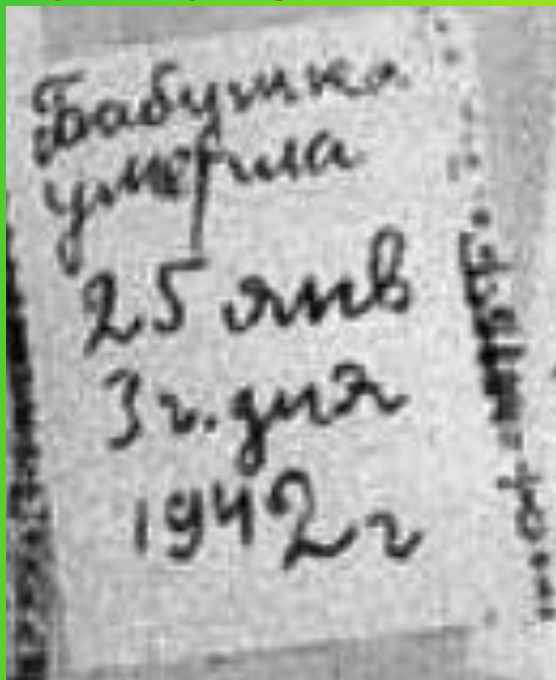
Женю хотели похоронить на [Серафимовском кладбище](#) Женю хотели похоронить на Серафимовском кладбище, потому что оно было недалеко от дома, но все подступы к воротам были завалены трупами, которые ни у кого не было в тот период сил хоронить. Поэтому Женю решили похоронить на [Смоленском лютеранском кладбище](#). С помощью её бывшего мужа Юрия удалось достать гроб. По воспоминаниям Нины уже на кладбище Мария Игнатьевна, склонившись над гробом старшей дочери, произнесла фразу, которая для их семьи стала роковой: «Вот мы тебя хороним, Женечка.

19 января 1942 года вышло постановление открыть столовые для детей в возрасте от восьми до двенадцати лет. Таня ходила в них вплоть до 22 января. 23 января 1942 года ей исполнилось двенадцать лет, вследствие чего по меркам блокадного города в семье Савичевых «детей не стало» и отныне Таня получала такую же норму хлеба, как и взрослый человек. В начале января Евдокии Григорьевне был поставлен страшный диагноз: третья степень алиментарной дистрофии. При таком состоянии требовалась срочная госпитализация, но бабушка отказалась, ссылаясь на то, что ленинградские больницы и без того переполнены. 25 января, спустя два дня после дня рождения Тани её не стало. В книжке Нины на странице с буквой «Б» Таня пишет:

Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.

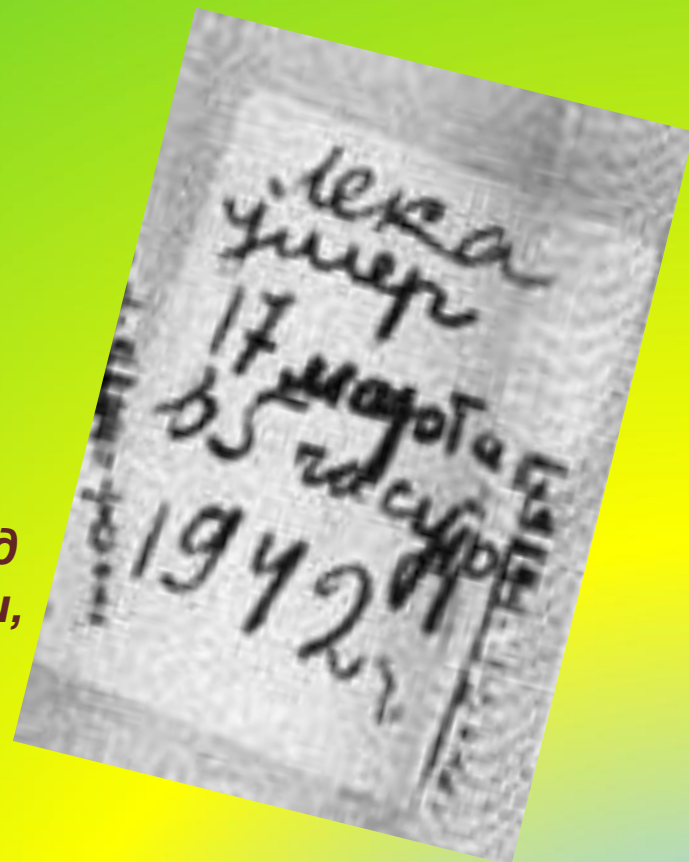
Перед смертью бабушка очень просила, чтобы не выбрасывали её карточку, потому что ту можно было использовать ещё до конца месяца. Так делали многие в Ленинграде и это на какое-то время поддерживало жизнь родственникам и близким умершего. Где её точно похоронили — Нина Савичева не помнит. Возможно, Евдокию Григорьевну похоронили в братской могиле на Пискаревском мемориальном кладбище.

Лёка буквально жил на Адмиралтейском заводе, работая там днём и ночь.

В большинстве случаев ему приходилось ночевать на предприятии, часто работая по две смены подряд. В книге «История Адмиралтейского завода» есть фото

Леонида, а под ним надпись:

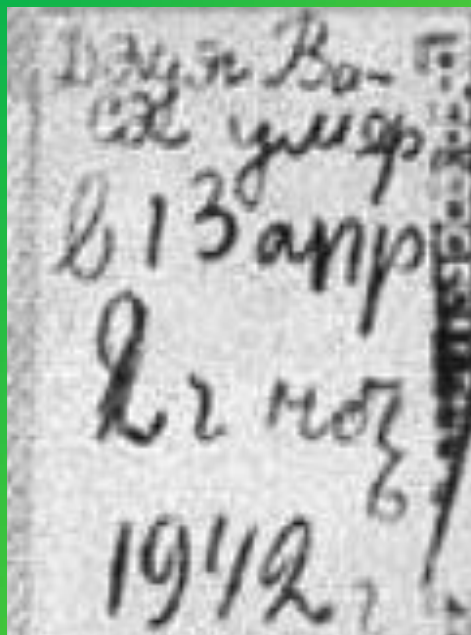
«Леонид Савичев работал очень старательно, ни разу не опоздал на смену, хотя был истощён. Но однажды он на завод не пришел.» А через два дня в цех сообщили, что Савичев умер ...

Лёка умер от дистрофии 17 марта в заводском стационаре. Ему было 24 года. Таня раскрывает блокнот на букве «Л» и пишет, в спешке объединяя два слова в одно:

Лёка умер 17 марта в 5 часутр в 1942 г.

Лёку вместе с заводчанами, которые умерли с ним в одно время в стационаре, хоронили сотрудники завода — отвезли на Пискарёвское мемориальное кладбище.

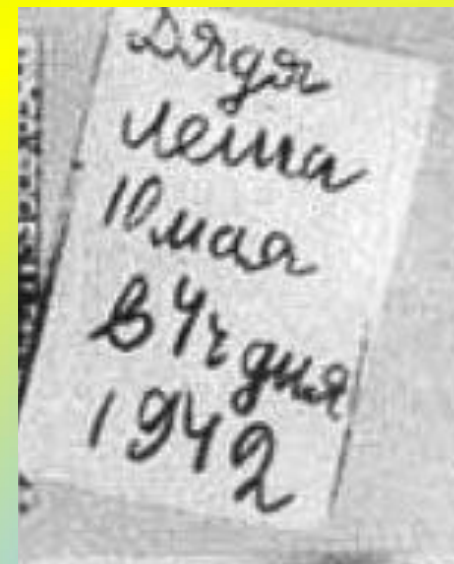

Дядя Вася
умер
13 апр
2 ч
ночь
1942

В апреле 1942 года с потеплением из осаждённого Ленинграда исчезла угроза смерти от холода, однако не отступала угроза со стороны голода, в результате чего в городе к тому моменту началась целая эпидемия: алиментарная дистрофия, цинга, кишечные заболевания и туберкулёз уносили жизни тысяч ленинградцев. И Савичевы не стали исключением. 13 апреля в 56 лет умер Василий. Таня раскрывает блокнот на букве «В» и делает соответствующую запись, которая получается не очень правильной и сбивчивой:

Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г.

4 мая 1942 года в Ленинграде открылось 137 школ. К учёбе вернулись почти 64 тысячи ребят. Медицинский осмотр показал, что из каждых ста лишь четверо не страдали цингой и дистрофией. Таня в свою школу № 35 уже не вернулась, потому что теперь на ней лежала забота о маме и дяде Лёше, которые к тому моменту уже окончательно подорвали здоровье. Алексей умер в возрасте 71 года 10 мая. Страница на букву «Л» уже была занята Лёкой и поэтому Таня пишет на развороте, слева. Но то ли сил уже не хватало, то ли горе полностью переполнило душу пострадавшей девочки, потому что на этой странице слово «умер» Таня пропускает:

Дядя
Леша
10 мая
в 4 дня
1942

Дядя Леша 10 мая в 4 ч дня 1942 г.

Мама
в 13 мая
в 7.30 час
утра
1942

Разве можно было представить, что через три дня после смерти дяди Лёши Таня останется совсем одна? Марии Игнатьевне было 52 года, когда утром 13 мая не стало и её. Возможно, у Тани просто не хватило духу написать «мама умерла», поэтому на листе с буквой «М» она пишет:
Мама в 13 мая в 7.30 час утра 1942 г.

Умер
ли
все

Со смертью мамы у Тани полностью пропала надежда на победу и на то, что Миша и Нина когда-нибудь вернутся домой. На букве «С» она пишет:

Савичевы умерли

Мишу и Нину Таня окончательно считает погибшими и поэтому на букве «У» выводит:

Умерли все

И, наконец, на «О»:

Осталась одна Таня

Савичевы
умерли

Осталась
одна
Таня

Свой первый страшный день **Таня** провела у своей подруги Веры Афанасьевны Николаенко, которая жила вместе с родителями этажом **ниже Савичевых**. Вера была на год старше Тани и девочки общались по-соседски. *«Таня постучала к нам утром. Сказала, что только что умерла её мама, и она осталась совсем одна. Просила помочь отвезти тело. Она плакала и выглядела совсем больной.»*

Мать Веры Агриппина Михайловна Николаенко зашила тело Марии Игнатьевны в серое одеяло с полоской. Отец Веры Афанасий Семёнович, который был ранен на фронте, лечился в госпитале в Ленинграде и имел возможность часто приходить домой, пошёл в детский сад, что находился рядом, и попросил там

двухколёсную тележку. На ней он и Вера вдвоём повезли тело через весь Васильевский остров за реку Смоленку. *«Таня пойти с нами не могла — была совсем слаба. Помню, тележка на брусчатке подпрыгивала, особенно когда шли по Малому проспекту. Завёрнутое в одеяло тело клонилось набок, и я его поддерживала. За мостом через Смоленку находился огромный ангар. Туда свозили трупы со всего Васильевского острова. Мы занесли туда тело и оставили. Помню, там была гора трупов. Когда туда вошли, раздался жуткий стон. Это из горла кого-то из мертвых выходил воздух...Мне стало очень страшно.»*

Евдокия Петровна Арсеньева оформила Таню в детский дом № 48 Смольнинского района, который готовился тогда к эвакуации в Шатковский район Горьковской области, что был в 1300 километрах от Ленинграда. Эшелон, в котором находилась Таня, неоднократно попадал под бомбёжки, и только в августе 1942 года прибыл, наконец, в посёлок Шатки. Одна из создателей шаткинского музея, посвящённого **Тане Савичевой**, преподаватель истории Ирина Николаева позже вспоминала:

«Встречать этот эшелон к станции вышло очень много народа. Раненых в Шатки привозили постоянно, но на этот раз людей предупредили, что в одном из вагонов будут находиться дети из блокадного Ленинграда. Поезд остановился, однако из открывшейся двери большого вагона так никто и не вышел. Большая часть ребятшек попросту не могла встать с кроватей. Те, кто решился заглянуть внутрь, долго не могли прийти в себя. Вид детей был страшен - кости, кожа и дикая тоска в огромных глазах. Женщины подняли невероятный крик. «Они же живые ещё!» — успокаивали их сотрудники НКВД, сопровождавшие поезд. Практически сразу люди стали нести к тому вагону продукты, отдавали последнее. В результате в помещение, подготовленное для детского дома, детей отправили под конвоем. Человеческая доброта и самый маленький кусок хлеба с голодухи запросто могли убить их.»

Несмотря на нехватку продуктов и медикаментов, горьковчане смогли выходить ленинградских детей. Как следует из акта обследования условий жизни воспитанников детского дома, все 125 детей были физически истощены, но инфекционнобольных насчитывалось лишь пятеро. Один малыш страдал от стоматита, трое болели чесоткой, ещё один — туберкулёзом. Этим единственным туберкулёзным больным и оказалась Таня Савичева.

Таню не допускали к другим детям, и единственный человек, который с ней общался, была медсестра Нина Михайловна Середкина. Она делала всё, чтобы облегчить Танины страдания и по воспоминаниям Ирины Николаевой ей это в какой-то степени удалось: *Через некоторое время Таня могла ходить на костылях, а позже передвигалась, держась руками за стенку.*

Но Таня всё равно была настолько слаба, что в начале марта 1944 года её пришлось направить в Понетаевский дом инвалидов, хотя и там ей не стало лучше. По состоянию здоровья она была самым тяжёлым больным... Из всех прибывших тогда детей детского дома № 48 не удалось спасти только Таню Савичеву. Её часто мучили головные боли, а незадолго до смерти она ослепла. Таня Савичева умерла 1 июля 1944 в возрасте 14-ти с половиной лет.

Ее похоронили на поселковом кладбище, где она и покоится под мраморным надгробием. Рядом – стела с барельефом девочки и страничками из ее дневника.

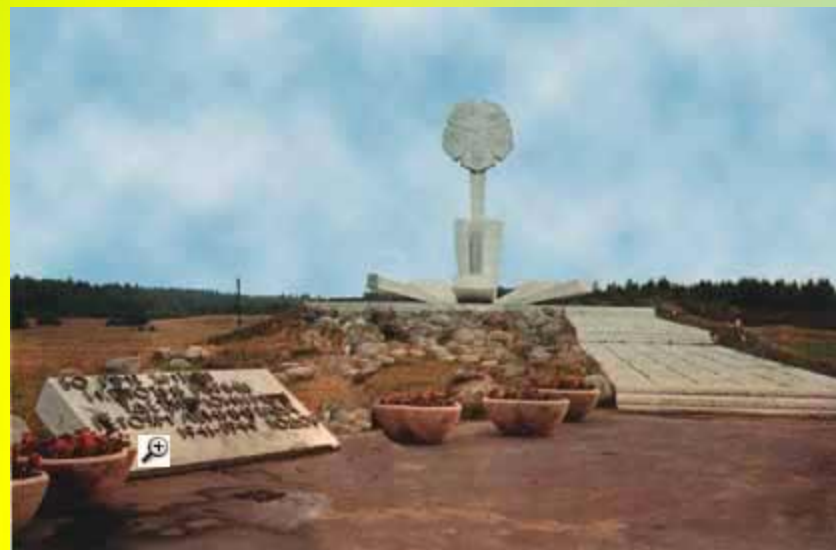

Танины записи вырезаны и на сером камне памятника «Цветок жизни», под Петербургом, на третьем километре блокадной «Дороги Жизни».

В состав мемориала входят памятник «Цветок жизни», аллея Дружбы и траурный курган «Дневник Тани Савичевой».

На лепестках цветка изображены лицо улыбающегося мальчика и слова «Пусть всегда будет солнце». Рядом находится плита, на которой надпись: «Во имя жизни и против войны. Детям — юным героям Ленинграда 1941—1944 годов».

«Женя умерла 28 дек. в
12.00ч утра 1941 г.»

«Бабушка умерла 25 янв. В
3ч дня 1942г.»

«Лека умер 17 марта в 5ч
утра 1942г.»

«Дядя Вася умер в 2ч ночи
14 апр. 1942г.»

«Дядя Леша умер 10 мая
в 4ч дня 1942г.»

«Мама умерла 13 мая в 7.30
ч утра 1942г.»

«Савичевы умерли».

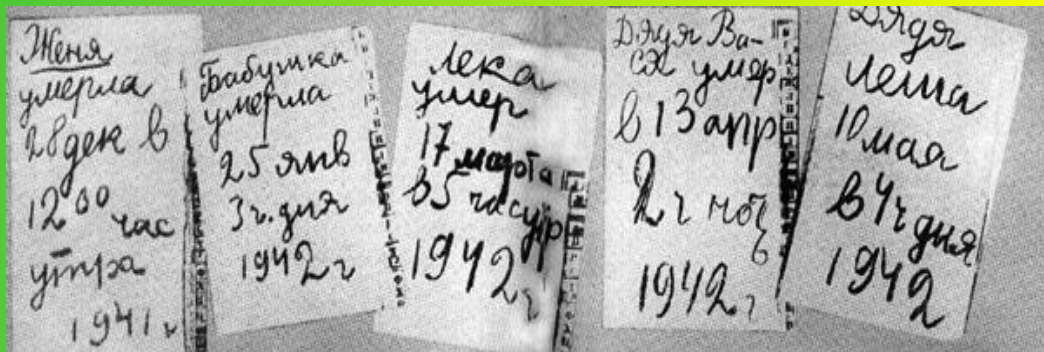
«Умерли все».

«Осталась одна Таня».

**Дневник Тани Савичевой
фигурировал на
Нюрнбергском процессе как
один из обвинительных
документов против
нацистских преступников.**

Этот дневник на процессе
Нюрнбергском
Был документом, страшным и
веским,
Плакали люди, строчки читая.
Плакали люди, фашизм
проклиная.

Танин дневник – это боль
Ленинграда,
Но прочитать его каждому надо.
Словно кричит за страницей
страница:
«Вновь не должно это все
повториться!»

Автор Фешина А.А.
Ильинская ООШ №21
Ростовская область